

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74

КОНФЛИКТОГЕННАЯ ГРАММАТИКА (на материале современных медийных текстов)*

Л. В. Кулумбегова¹, И. В. Беляева²

¹Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

В публикациях, посвященных вербальному конфликту, как правило, анализируется лексико-семантический уровень языка, единицы которого наиболее отчетливо передают инвективные смыслы, и иногда — категории текста. Морфологические формы и лексико-грамматические классы привлекаются к рассмотрению неизмеримо реже. Ставшее традиционным рассмотрение морфологических единиц в коммуникативно-функциональном аспекте предполагает выявление особенностей семантики морфологических форм, тогда как их текстовые возможности оказываются намного шире. Наиболее очевидным пейоративным, а следовательно, и конфликтогенным потенциалом обладают антономасии. Как известно, плюрализация онима редко бывает без примеси прагматических созначений, и чаще всего они имеют именно негативный характер. Могут использоваться плюральные прецедентные имена, отсылающие к классическим произведениям. Но гораздо чаще переосмыслению и плюрализации подвергаются имена современных политических деятелей или персонажей шоу-бизнеса. Собирательные имена (тем более имеющие морфемный показатель собирательности) справедливо считаются прагмемами на том основании, что совокупность отдельных объектов в них представлена так, как будто эти объекты не имеют сущностных различительных черт. Этот субъективный взгляд номинатора чаще всего связан с отрицательной экспрессией. Пейоративность содержат некоторые аббревиатурные обозначения. Будучи отдельным знаком по отношению к мотивирующему словосочетанию, аббревиатура нередко видоизменяет и исходную семантику, и прагматическое звучание. И чаще всего прагматические модификации связаны с дрейфом в сторону пейоративности, что становится понятным, если вспомнить, что максимальная степень проявления вежливости предполагает структурную сложность единицы, а следовательно, формируются предпочтительные для коммуникантов неоднословные, в том числе этикетно обусловленные, номинации. Конфликтогеном, воздействующим на психоэмоциональную сферу реципиента, может быть не только лексическая единица, но и грамматическая (морфологическая) форма. Выбор такой единицы обусловлен как свойствами морфологического уровня языка, который тесно связан со всеми другими, так и особенностями интенционального употребления с целью формирования определенного типа текста с учетом двух его аспектов — текстопорождения и текстовосприятия. На материале современных медиа

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

анализируется возможность именных категорий становиться средством пейоративной оценки и, следовательно, конфликтогеном.

Ключевые слова: коммуникация; вербальный конфликт; грамматические категории, лексико-грамматические классы, морфологические формы.

Цитирование: Кулумбегова Л. В., Беляева И. В. Конфликтогенная грамматика (на материале современных медийных текстов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 63–74. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts)

Lyudmila V. Kulumbegova¹, Irina V. Belyaeva²

¹A. A. Tibilov South Ossetian State University, Beslan, South Ossetia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Studies devoted to verbal conflict tend to focus on the lexical and semantic level of the language, since it's these units that most clearly express invective meanings — although sometimes scholars also look at categories of the text. In this context, morphological forms and lexico-grammatical classes are investigated much less frequently. The traditional study of morphological units in the communicative and functional aspect is connected with identifying the features of the semantics of morphological forms, while their textual capabilities are much broader. Antonomasias are the most pejorative and conflictogenic language units. Onym pluralization is rare without an admixture of pragmatic co-meanings, and more often than not these plural onyms are negative in nature. In this context, plural precedent names referring to classic works of literature can be used, but much more often names of modern politicians or show business figures are reinterpreted and pluralized. Collective nouns (especially with a morphemic index of collectivity) are considered to be pragmams, because the totality of individual objects in them is presented in such a way as if these objects did not have essential distinguishing features. This subjective view of the nominator is most often connected with negative expression. Some abbreviations also display a pejorative connotation. Being a separate sign in comparison with the abbreviated phrase, the abbreviation itself often modifies the original semantics and pragmatic co-meaning. It is clear that pragmatic modifications are most often connected with a drift towards pejorativeness, because the maximum degree of politeness implies structural complexity of the unit and translates into units that consist of more than one word, including etiquette-conditioned nominations preferred by communicants. Not only lexical units, but also grammatical (morphological) forms can become conflictogenic and thus affect the psycho-emotional sphere of the recipient. The choice of such units is made due to both the properties of the morphological level of the language (closely connected to all other language levels) and their intentional use with a purpose to form a certain type of text, from the perspective of both text generation and text perception. Based on the material of modern media, the paper reflects on and analyzes the possibility of nominal categories to be used as a means of pejorative evaluation and, consequently, as conflictogens.

Key words: communication; verbal conflict; grammatical categories; lexico-grammatical classes; morphological forms.

Citation: Kulumbegova, Lyudmila V., Belyaeva, Irina I. (2022) Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 63–74. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

1. Введение

Давно и прочно укоренившееся мнение о том, что морфологические формы имеют зависимое и второстепенное значение для общего смысла высказывания и текста, как будто исключает саму возможность говорить о грамматических формах как конфликтогенах. Традиционно морфологические категории детально исследовались с точки зрения формы, а не семантического содержания (об этом свидетельствует содержание всех академических грамматик русского языка). Давно составлены самые полные списки морфологических парадигм со всеми формальными модификациями, в то время как семантическое, а тем более прагматическое содержание этих форм в условиях контекста остается малоизученным. И хотя появились работы, в которых показана лингвокультурологическая значимость морфологических категорий (Архипкина 2005; Лазарев 2009; Акай 2020 и др.), осталось не проясненным, как трансформируются смыслы, заложенные в потенции грамматических словоформ, каким путем происходит обретение новых семантических и прагматических приращений, тем более таких, которые связаны с конфликтогенностью. Одна из актуальных задач междисциплинарной науки состоит в том, чтобы сформировать у коммуникантов конфликтогенную компетентность (Голев, Обелюнас 2014; Абрамичева, Ключева 2019; Дубовицкая 2019; Заврумов 2019; Кара-Мурза 2020; Велиев 2021; Никитин, Устьянцева, Бородина 2021; Ступина 2021; Старостина, Леонович 2022 и др.), то есть максимально полную осведомленность о тех единицах языка, которые могут быть отнесены к конфликтогенам. Если с инвективными лексическими единицами все более или менее ясно, то грамматические формы оказываются не исследованными в этом отношении. В дальнейшем изложении будут прослежены обстоятельства и условия формирования у грамматических форм пейоративных значений и конфликтогенности.

2. Материалы и методы

С помощью лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного анализа материалов современных медиа (главным образом — 2022 года) выявляется конфликтогенный потенциал грамматических и лексико-грамматических форм в медийном дискурсе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее очевидным пейоративным, а следовательно, и конфликтогенным потенциалом обладают антономасии. Как известно, плюрализация онама редко бывает без примеси прагматических созначений, и чаще всего

они имеют именно негативный характер. Могут использоваться плюральные прецедентные имена, отсылающие к классическим произведениям:

(1) *В свете нынешнего закона об образовании мы не можем современным митрофанушкам поставить заслуженные двойки* (Аргументы и факты, № 35, 2022);

(2) *Жизнь страны оказалась в руках Манилова, окончившего высшую партийную школу и прочитавшего под одеялом пару диссидентских книжек* (Поляков 2019: 71).

Но гораздо чаще переосмыслению и плюрализации подвергаются имена современных политических деятелей или персонажей шоу-бизнеса:

(3) *А потому еще какое-то время «золотые маски» так и будут получать хаматовы и им подобные* (Московский комсомолец, № 73, 2022);

(4) *Многочисленные стены плача всевозможных Бернардов Андри-Леви, Орханов Памуков, Светлан Алексиевич и Салманов Рушди скорбели по судьбам Единой Европы...* (Завтра, № 32, 2022);

(5) *Сенатор от Крыма предложила сократить список болезней, которые дают отсрочку от армии. Отметим, что список и так уже изрядно потрепан, оттуда исчез ряд диагнозов, ранее несовместимых с военной службой. Тенденция ставить в строй всех подряд, кроме разве что паралитиков, прослеживается уже давно. Ну а дети всевозможных ковидиди решают вопросы «на другом уровне»* (Собеседник, № 35, 2022).

Чрезвычайно популярна формула «коллективный + оним в ед. ч.», передающая, помимо собственно идеи плюральности, ироническое отношение к объекту номинации:

(6) *Очередная антироссийская банальщина по итогам саммита G7 не вышла за пределы нерешительного бормотания коллективного Макрона...* (Завтра, № 25, 2022);

(7) *Если не Путин, то условная коллективная Набиуллина прекрасно это понимает. И поэтому не дает перевести экономику на мобилизационные рельсы* (Собеседник, 5 сентября 2022).

Эти случаи можно рассматривать как реализацию так называемой ассоциативной множественности, при которой оним обозначает множество, включающее референт имени и ряд связанных с ним объектов (см. об этом типе множества [Corbett 2000]).

Одно из средств создания иронического контекста с помощью онимов состоит в сравнении знаковых фигур прошлого с современными политиками, не сопоставимыми по калибру:

(8) *У Запада не получилось «слепить» Черчилля из Зеленского. Как говорится, где Зеленский, а где Черчилль* (Аргументы недели, № 16, 2022).

Традиционным средством передачи отрицательной экспрессии выступает суффикс *-щин* собирательных имен. По нашим наблюдениям, это средство пейоративности, печально известное в нашей истории по таким номинациям, как *ахматовщина*, *чуковщина* и пр., остается в арсенале и современной публицистики:

(9) *Сегодняшняя власовщина зримо утрачивает свою маргинальность, становится если не нормой, то модой* (Литературная газета, № 35, 2022);

(10) *Мои способности отчетливо проявились в девятом классе, когда в школе создали команду КВН. Тогда это было всеобщее увлечение, искреннее, дерзкое, без признаков «маслюковщины»* (Поляков 2020: 679).

Если в первом случае собирательное существительное образовано от имени исторического персонажа, чья деятельность давно получила резко негативную оценку, то во втором примере это дериват от фамилии известного человека, имеющего немало заслуг. Однако отрицательное содержание номинации *маслюковщина* вполне понятно читателям, которые имели возможность наблюдать деградацию популярной игры. Ср. также окказиональные образования такого типа:

(11) *Объяснений «прельстительному» чайлдфризму, или, если ввести новое слово, детонетовщине, — тьма. Тут и женская карьера, и желание быть равными с мужчинами даже в вопросах деторождения. Мужики не рожают? И мы не будем!* (Литературная газета, № 26, 2022).

(12) заголовок: *Либерда. Как оздоровить РАНХиГС* (Завтра, № 20, 2022) — речь идет о либеральной позиции руководства и преподавателей известного вуза.

Собирательные имена (тем более имеющие морфемный показатель собирательности) вообще справедливо считаются прагмемами на том основании, что совокупность отдельных объектов в них представлена так, как будто эти объекты не имеют существенных различительных черт. Этот субъективный взгляд номинатора чаще всего связан с отрицательной экспрессией.

Пейоративность и, следовательно, потенциальную конфликтогенность содержат некоторые аббревиатурные обозначения. Будучи отдельным знаком по отношению к мотивирующему словосочетанию, аббревиатура нередко видоизменяет и исходную семантику, и прагматическое звучание. И чаще всего прагматические модификации связаны с дрейфом в сторону пейоративности, что, в общем, понятно, если вспомнить, что максимальная степень проявления вежливости предполагает структурную сложность единицы, а следовательно, формируются предпочтительные для коммуникантов неоднословные, в том числе этикетно обусловленные, номинации. Выбор других элементов кода, менее протяженных или сокращенных, свидетельствует об уменьшении степени вежливости (достаточно

вспомнить дискуссии о возможности использования аббревиатуры РПЦ вместо «Русская православная церковь»), однако речевая практика сложилась таким образом, что эта проблема перестала быть актуальной. Сами иерархи церкви охотно используют это обозначение, оно частотно в медиа и, очевидно, стало прагматически нейтральным. Иное дело — аббревиатура ВОВ применительно к Великой Отечественной войне: исследователи признают эту единицу «самой обидной аббревиатурой», которая воспринимается как оскорбление участниками тех святых и трагических событий, а у их потомков появляется стыд и неловкость вследствие использования такого названия для Великой Отечественной войны; подобная номинация «неуважительна по отношению к ветеранам, к Победе», она «дикая» и «варварская» (Еськова 2000); она нарушает этико-речевые нормы современного языка.

Аббревиатуры, несущие в себе неуважительный посыл, зафиксированы в одном из первых словарей политкорректной лексики — (Бобылева 2021), где сказано, что *БОМЖ* — это некорректно, лучше употребить слово «бездомный», а комментарий гласит: «Во-первых, *БОМЖ* — аббревиатура, а называть аббревиатурой человека нехорошо. А во-вторых, это слово еще с советских времен имеет яркую негативную окраску, стигматизирует, ставит клеймо и давно превратилось в ругательство, применимое не только к бездомным людям» (Бобылева 2021: 128). Столь же некорректны сокращения *зэк*, *зэка*, *зэчка*: «Заклученный — нормальное слово. А вот производные от него — *зэк*, *зэка*, *зэчка* — это, конечно, уничижительно» (там же: 134).

Окказиональная аббревиация в медиа нередко служит именно пейоративизации наименования, ср.:

(13) *Ширнармассы фактически смирились с неизменностью государственного управления, невозможностью «прорыва» и кардинального изменения собственной жизни и, в принципе, требовали только одного: не трогайте нас, дайте жить хоть так, но спокойно* (Московский комсомолец, 14 марта 2022). Ширнармассы — сокращение от «широкие народные массы», намеренно создающее ироническое звучание, насмешку, даже сарказм.

Аббревиатуры могут вызвать отторжение неэстетичностью:

(14) *Терзают душу и неустрашимые сокращения: ВСЕГЕИ, ВНИПИЗИ, «Беляш с мясом гов-на. 70 р.», пер. Дачный, 3 и т. д.* (Литературная газета, 7 сентября, 2022).

Кроме того, аббревиатуры, никак не проясненные в тексте, порождают такое отрицательное явление, как агнонимия:

(15) *Кто же все эти интеллигентные, талантливые, русскоязычные ЛОМы?* (Литературная газета, 7 сентября 2022).

Пейоративность лежит в основе использования многочисленных феминитивов, которые способны передавать все типы негативной оценки — осуждение, пренебрежение, иронию, прямую насмешку:

(16) *А уж Элеоноре Филиной (третья жена) вообще лучше бы помолчать — кто из дамы, не блещущей ни умом, ни обаянием, сделал ненапроком телезвезду? Не Успенский Эдуард, взяв ее соведущей в программе «В нашу гавань заходили корабли»? Вынул зачем-то эту кассиршу из небытия — и вот она опять вылезла на телеэкран, и опять с помощью Успенского, только на этот раз сплясав на его костях (Аргументы недели, 02 июня 2020);*

(17) *Нарастает тяга к римейкам, компиляшкам и проч. Зачем создавать свое, если можно взять роман Достоевского, переделать в «Идиотку» и насладиться бешеным восторгом нью-критикесс? (Литературная газета, № 26, 2022);*

(18) *А тут еще одна оппозиционерка, протеже «Умного голосования», депутатка районного масштаба Хельга Пирогова грязно оскорбила погибших русских воинов, вроде как свалила из России после возбуждения против нее уголовного дела (Московский комсомолец, 25 июля 2022);*

Понятно, что нейтральные обозначения с помощью немаркированного мужского рода (кассир, критик, демократ и т. п.) во всех приведенных случаях были бы невыразительными. Феминитивы с суффиксом *-ш(а)* — *кассирша, кондукторша* и т. п., — в соответствии с современными этико-речевыми нормами используются только применительно к тем, кто не участвует в диалоге. Наиболее сильной пейоративностью обладает феминитив, примененный к лицам мужского пола, ср.:

(19) *Вместо этого за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, немного пенсионеров-предпринимателей, вышедших давным-давно в кэши и кипрское гражданство, пожилые музыканты и, наконец, чемпионы неудачи — нервные хипстерки обоего пола, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру (и обнаружившие, что в Риге и Тбилиси рынок не тот) (Культура, 30 июня 2022).*

Конечно, существует точка зрения, согласно которой феминитивы типа *авторка, блогерка, режиссерка* изменили свою прагматику, стремятся к мейнстриму и потому дистанцируются от конфликтогенности (Мазикина 2020; Бобылева 2021; Кобяков 2022), однако ясно, что этот процесс далек от своего завершения, и пока они в полной мере способны передавать контекстную пейоративность.

Итак, источником пейоративности на морфологическом уровне оказываются прежде всего грамматические категории рода и числа. Интересная полемика относительно правомерности формы множественного числа содержится в статье Ю. Полякова «Песней — по жизни». Анализируя слова песни «Офицеры» Олега Газманова, Ю. Поляков пишет, что Газманов практически один на нашей современной эстраде работает в патриотическом «духоподъемном» жанре, и поскольку «песня претендует на определённую государственную патетику и идеологическую установку», этот текст требует профессионального, вдумчивого анализа семантики с учетом разноуровневости единиц (лексема, предложение, текст). Но этот анализ указывает, что в тексте Газманова «достаточно пугающей невнятицы». Наряду с совершенно справедливыми замечаниями, Ю. Поляков высказывает и такое суждение относительно следующего фрагмента:

...Тем, кто выжил в Афгане,
свою честь не изгадив,
кто карьеры не делал
от солдатских кровей...

(20) *Совсем уж непонятно, почему «от солдатских кровей»? Правильно ведь «на солдатской крови». «Кровь» во множественном числе — «крови» — в русском языке означает ежемесячные дамские недомогания. При чём тут войны-интернационалисты, состоявшие в основном из мужчин? А вот при чём: через строчку появляется слово «сыновей». Рифма. <...> Ещё герой Мольера сокрушался, что необходимость постоянно подыскивать рифмы заставляет некоторых сочинителей нести полную околесу. У Олега Газманова содержание тоже часто определяется не намерением, а близлежащей рифмой или заданным размером. Эта детская болезнь в стихосложении одна из самых распространённых, что-то вроде кори или свинки. Но страдать поэтической свинкой в зрелом, орденносно-лауреатском возрасте?! Очень редкий случай... (Поляков 2022).*

Думаем, однако, что в этом остроумном фрагменте Ю. Поляков не совсем прав именно относительно грамматической стороны: форма множественного числа вполне имеет право на функционирование в данном контексте. Значение ‘женские недомогания’ давно устарело, а вот способность множественного числа от любого имени, в том числе и неконкретной семантики, актуализировать идею большого количества никуда не делась. Например:

(21) ...не зря о Каине сказано господом: Голос кровей брата твоего Авеля вопиет во мне. Слышите? Кровей, а не крови! Кровей всего не родившегося потомства Авелева (Домбровский 2011).

Антитетическая конструкция актуализирует идею множества, которая в стандартных случаях передается с помощью неопределенно количественных числительных типа «много» или слов со значением меры. В форме множественного числа лексическая единица способна получить особую смысловую нагрузку в тексте и участвовать в формировании концептуально значимых понятий (тем более, что общая тенденция связана с расширением парадигмы категории числа и стандартизации плюральных форм, в том числе и от вещественных существительных).

Итак, конфликтогеном, воздействующим на психоэмоциональную сферу реципиента, может быть не только лексическая единица, но и грамматическая (морфологическая) форма. Выбор такой единицы обусловлен как свойствами морфологического уровня языка, который тесно связан со всеми другими, так и особенностями интенционального употребления с целью формирования определенного типа текста с учетом двух его аспектов — текстопорождения и текстовосприятия.

4. Заключение

Социально значимые ценностные противоречия, конфликтность и даже конфронтация манифестируются различными языковыми средствами, в том числе и грамматическими, хотя естественно, что грамматические сигналы пейоративных смыслов и конфликтогенности являются менее явными и яркими, чем собственно лексические. Деятельностный характер морфологических форм обнаруживается помимо всего прочего в том, что они участвуют в реализации текстовых категорий пейоративности, иронии, сарказма, а значит выступают как потенциально конфликтогенные единицы.

Список литературы / References

- Акай О.М.* Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2020. [Akay, Oksana M. (2020) *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragmaticheskii aspekty. Monografiya* (The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects. Monograph). Rostov-on-Don: YuFU. (In Russian)].
- Абрамичева Е. Н., Ключева М. Д.* Средства вербализации стратегии эвфемизации в современном политическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 12–30. [Abramicheva, Elena N., & Klyueva, Maria D. (2019) *Sredstva verbalizatsii strategii ehvfemizatsii v sovremennom politicheskom diskurse* (Means of Verbaliza-

- tion Strategies of Euphemization in Modern Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 4, 12–30. (In Russian)].
- Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа. Монография. Ростов н/Д: РГУ, 2005. [Arkhipkina, Galina D. (2005) *Kognitivnyye osnovaniya i antropotsentricheskie parametry grammaticheskoi kategorii chisla. Monografiya* (Cognitive Bases and Anthropocentric Parameters of the Grammatical Category of Number. Monograph). Rostov-on-Don: RGU. (In Russian)].
- Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: АСТ. 2021. [Bobileva, Maria. (2021) *My tak govorim. Obidnye slova i kak ikh izbezhat'* (That's What We Say. Offensive Words and How to Avoid Them). Moscow: AST. (In Russian)].
- Велиев З. Б. Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка). Дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2021. [Veliev, Zakhid B. (2021) *Ontologiya lingvojuridicheskogo konflikta (na materiale onimov sovremennogo russkogo yazyka)* (Ontology of the Linguistic and Legal Conflict (Based on the Material of the Onyms of the Modern Russian Language)). PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология. Красноярск: СФУ, 2014. [Golev Nikolay D., & Obelyunas, Nina V. (2014) *Lingvokonfliktologiya* (Linguoconflictology). Krasnoyarsk: SFU. (In Russian)].
- Дубовицкая М. А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект // Вестник СГСЭУ. 2019. № 3 (77). С. 199–202. [Dubovitskaya, Maria A. (2019) *Konflikt kak forma mezhkul'turnoi kommunikatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt* (Conflict as a Form of Intercultural Communication: Sociolinguistic Aspect). *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 3 (77), 199–202. (In Russian)].
- Еськова Н. Варварская аббревиатура // Наука и жизнь. 2000. № 5. С. 38. [Es'kova, Natalya. (2020) *Varvarskaya abbreviatura* (Barbaric Abbreviation). *Nauka i zhizn'* (Science and Life), 5, 38. (In Russian)].
- Заврумов З. А. Языковая ситуация в аспекте реализации языковой политики на Северном Кавказе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 31–39. [Zavrumov, Zaur A. (2019) *Yazykovaya situatsiya v aspekte realizatsii yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze* (The Language Situation in the Aspect of the Implementation of Language Policy in the North Caucasus). *LUNN Bulletin*, 4, 31–39. (In Russian)].
- Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 18–27. [Kara-Murza, Elena S. (2020) *Lingvokonfliktologiya i konflikty v russkom mediaprostranstve (analiz dvoynogo keisa)* (Linguoconflictology and Conflicts in the Russian Media Space (Double Case Analysis)). *Science Journal of VolSU. Linguistics*, Vol. 19, 1, 18–27. (In Russian)].
- Кобяков А. В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: Мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.) / Науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. С. 45–48. [Kobyakov, Aleksandr V. (2022) *Zhurnalistskie zhanry i feminitivy: vliyanie na yazy-*

- kovuyu praktiku) (Journalistic Genres and Femitives: Influences on Language Practice). In Duskaeva, Lilia R. (scie. ed.), Malyshev, Aleksandr A. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya–2 iyulya 2022 g.)* (Medialinguistics. Iss. 9. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of VI International Scientific Conference (Saint-Petersburg, June 30–July 02, 2022)). Saint-Petersburg: Mediapapir, 45–48. (In Russian)].
- Лазарев В. А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. [Lazarev, Valery A. (2009) *Morfologicheskie kategorii: antropotsentricheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty interpretatsii. Monografiya* (Morphological Categories: Anthropocentric and Linguocultural Aspects of Interpretation. Monograph). Rostov-on-Don: YuFU. (In Russian)].
- Мазикина Л. Малый справочник феминитивов. М.: Издательское решение, 2020. [Mazikina, Lilit. (2020) *Malyi spravochnik feminitivov* (Small Handbook of Feminities). Moscow: Izdatel'skoe reshenie. (In Russian)].
- Никитин М. Ю., Устьянцева А. Д., Бородина Н. В. Лингвоконфликтность современного массмедийного дискурса России // Вестник Российского нового ун-та. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4 (56). С. 81–90. [Nikitin, Maksim Yu., Ust'yantseva, Anna D., & Borodina, Nataliya V. (2021) *Lingvokonfliktogennost' sovremennogo massmediinogo diskursa Rossii* (Linguo-conflictogenicity of Modern Mass Media Discourse in Russia). *Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the Modern World*, 4 (56), 81–90. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Леонович Л. М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. [Starostina, Julia S., & Leonovich, Larissa M. (2022) *Lingvoaksiologicheskie osnovy kommunikativnykh konfliktov v angloyazychnom dramaturgicheskom diskurse* (Linguoaxiological Basis of Communicative Conflicts in English-language Dramatic Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 63–75. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 77–88. [Stupina, Ekaterina S. (2021) *Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy* (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Corbett, Greville G. (2000) *Number*. Cambridge: Cambridge University Press.

Источники языкового материала / Language material resources

- Винник Д. Либерда // Завтра. 2022. № 20. С. 1. [Vinnik, Dmitry. (2022) *Liberda* (Liberda). *Zavtra*, 20, 1. (In Russian)].
- Давлятчин И. Как ПМЭФ, только без Путина. Лидеры российской оппозиции снова съехались в Вильнюс // Собеседник. 2022. 05 сентября. [Davlyatchin, Ilya. (2022) *Kak PMEF, tol'ko bez Putina. Lidery rossiyskoy oppozitsii snova s'ekhalis' v Vilnius* (Like SPIEF, but without Putin. The Leaders of Russian Opposition Have Rushed to Vilnius Again). *Sobesednik*, September 05. (In Russian)].

- Данилевич Е. Большая перемена // Аргументы и факты. 2022. № 35. С. 3 [Danilevich, Elena. (2022) Bol'shaya peremena (Big Change). *Argumenty i fakty*, 35, 3. (In Russian)].
- Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: АСТ: Астрель, 2011. [Dombrovsky, Yury. (2011) *Fakul'tet nenuzhnykh veshchey* (Faculty of Useless Things). Moscow: AST; Astrel. (In Russian)].
- Евсеев Б. Детоотступники // Литературная газета. 2022. № 26. С. 7. [Evseev, Boris. (2022) Detoostupniki (Child Offenders). *Literaturnaya gazeta*, 26, 7. (In Russian)].
- Евсеев Б. Ленробух и «Бухен хауз» // Литературная газета. 2022. № 36. 7 сентября. С. 17. [Evseev, Boris. (2022) Lentrobukh i «Bukhen khauz» (Lentrobukh and Buchen House). *Literaturnaya gazeta*, 36, September 7, 17. (In Russian)].
- Мараховский В. Русский индивидуализм против шкурности // Культура. 2022. 30 июня. № 6. С. 3. [Marakhovsky, Viktor. (2022) Russkii individualizm protiv shkurnosti (Russian Individualism against Shkurnost'). *Kultura*, June 30, 6, 3. (In Russian)].
- Москвина Т. Продолжаем любить Эдуарда Успенского // Аргументы недели. 2022. 02 июня. [Moskvina, Tatyana. (2022) Prodolzhaem lyubit' Ehduarda Uspenskogo (We Continue to Love Eduard Uspensky). *Argumenty nedeli*, June 02. (In Russian)].
- Подопригора Б. Чего же ты хочешь? // Литературная газета. 2022. № 35. С. 17. [Podoprigora, Boris. (2022) Chego zhe ty khochesh? (What the Hell Do You Want?). *Lite-raturnaya gazeta*, 35, 17. (In Russian)].
- Поляков Ю. Песней по жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://yuripolyakov.ru/publicism/articles/cultura/pesney-po-zhizni/>. (дата обращения: 15.10.2022) [Polyakov, Yury. (2022, October 15) *Pesney po zhizhni* (Living by a Song). Retrieved from <http://yuripolyakov.ru/publicism/articles/cultura/pesney-po-zhizni/>. (In Russian)].
- Поляков Ю. Перелетная элита. М.: Книжный мир, 2019. [Polyakov, Yury. (2019) *Pereletnaya ehлита* (Migratory Elite). Moscow: Knizhny mir. (In Russian)].
- Поляков Ю. В зоне риска. М.: Аргументы недели, 2020. [Polyakov, Yury. (2020) *V zone riska* (In the Zone of Risk). Moscow: Argumenty nedeli. (In Russian)].
- Попов В. Жить в альтернативной России // Литературная газета. 2022. 07 сентября. № 36. С. 3. [Popov, Dmitry. (2022) Zhit' v al'ternativnoi Rossii (Live in an Alternative Russia). *Literaturnaya gazeta*, September 07, 36, 3. (In Russian)].
- Попов Д. Ложные страхи // Московский комсомолец. 2022. 25 апреля/ № 13. С. 2. [Popov, Dmitry. (2022) Lozhnye strakhi (False Fears). *Moskovsky komsomolets*, April 25, 13, 2. (In Russian)].
- Попов Д. Путин не оставил выхода // Московский комсомолец. 2022. 14 марта. № 43. С. 2. [Popov, D. (2022) Putin ne ostavil vykhoda (Putin Has Left No Way out). *Moskovsky komsomolets*, March 14, 43, 2. (In Russian)].
- Попов Д. Путинская зима посреди лета // Московский комсомолец. 2022. 25 июля. № 133. С. 2. [Popov, Dmitry. (2022) Putinskaya zima posredi leta (Putin's Winter in the Middle of Summer). *Moskovsky komsomolets*, July 25, 133, 2. (In Russian)].
- Ольга Ковитиди. За сокращения // Собеседник. 2022. № 35. С. 2. [Ol'ga Kovitidi. Za sokrashcheniya (2022) (Olga Kovitidi. For Abbreviations). *Sobesednik*, 2022, 35, 2 (In Russian)].
- Титов И. Отребье // Завтра. 2022. № 32. С. 2. [Titov, Iya. (2022) Otreb'e (Scum). *Zavtra*, 32, 2. (In Russian)].
- Титов И. Семеро квелых // Завтра. 2022. № 25. С. 2. [Titov, Iya. (2022) Semero kvelykh (Seven Quel). *Zavtra*, 25, 2. (In Russian)].
- Угланов А. У Запада не получилось «слепить» Черчилля из Зеленского // Аргументы недели. 2022. № 16. С. 2. [Uglanov, Andrey. (2022) U Zapada ne poluchilos' «slepit'» Cherkhillya iz Zelenskogo (The West Failed to “Mold” Churchill from Zelensky). *Argumenty nedeli*, 16, 2. (In Russian)].